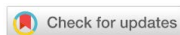

© 2025. Иванов А. В.

О чертё и чёрточке

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/brgpaz>

О чертё и чёрточке: из истории письменных знаков

Иванов Андрей Владимирович

Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова, Россия, Нижний Новгород

eLibrary Author SPIN: 1291-3219

<https://orcid.org/0000-0003-0031-5769>

Scopus Author ID: 57221947160

aivan@lunn.ru

Аннотация: Статья посвящена истории возникновения терминов *черта* и *черточка*, развитию их семантической структуры и вхождению их в систему лингвистической терминологии русского языка. Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью отдельных этапов становления и развития графической системы русского языка в период с IX по XVIII в., не до конца определенным лексическим статусом номинаций *черта* и *черточка*, необходимостью систематизации их семантических и функциональных различий. Гипотеза исследования заключается в том, что у этих номинаций со времени их первого упоминания в текстовых и лексикографических источниках возникли и развились сложные и взаимосвязанные системы значений, что позволяет с семантической точки зрения описывать их несколько иначе, чем это было принято до сих пор, а с учетом реализуемых ими функций постулировать обусловленность семантики этих номинаций их функциональным потенциалом. Цель исследования – проследить эволюцию семантики *черты* и *черточки* в русском языке IX–XVIII вв., конкретизировать их терминологический статус и выявить их функциональные особенности на основе историко-лингвистического анализа письменных источников. В ходе исследования используются методы историко-лингвистического, дефиниционного и семантического анализа. На основе изучения грамматических трактатов, грамматик и словарей, появившихся в России в период IX–XVIII вв., автор прослеживает эволюцию лексического статуса *черты* и *черточки*, которые в описываемый промежуток времени поначалу являлись словами общего языка, а затем приобрели статус терминов в силу ряда реализуемых ими функций. Этот вывод в полной мере относится к термину *черточка*, поскольку в современных словарях общей и терминологической лексики она, как правило, сопоставляется с орфографическим термином *дефис*. *Черта*, несмотря на то что ее терминологический статус в достаточной мере очевиден, не включается в словники узкоспециальных словарей в силу своей широкой семантики. Предпринятое исследование подтверждает предположение, что *черта*, как и *черточка*, может считаться термином, по крайней мере в историко-лингвистическом аспекте. В описываемый период времени в семантической структуре слова-термина *черта* возникли 12 значений, каждое из которых получило свое словесное обозначение не только благодаря самому этому термину, но и целому ряду синонимичных терминологических номинаций. Большая часть этих значений относится к XVIII в., что связано с развитием науки о языке и появлением первых русских грамматик. При этом самое раннее значение термина может быть датировано еще IX в. и связывается с особым типом письма древних славян, получившим название *черты* и *резы*. Семантическая структура термина *черточка* включает 5 значений, которые сформировались во второй половине XVIII в. Все выявленные значения слова-термина *черточка* имеют свои корреляты в семантической структуре термина *черта*. С учетом количества значений, а следовательно, и функциональных возможностей каждого из исследуемых терминов, можно сделать вывод о более узкой области применения *черточки* как терминологического знака по сравнению с термином *черта*.

Ключевые слова: черта, черточка, графика, графический знак, лингвистический термин, терминологическая семантика, диахроническое описание термина

Цитирование: Иванов А. В. О чертё и чёрточке: из истории письменных знаков. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 4. С. 705–717. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-4-705-717>

Поступила в редакцию 13.04.2025. Принята после рецензирования 30.06.2025. Принята в печать 30.06.2025.

full article

***Cherta* (Dash) and *Chertochka* (Hyphen) in the History of Russian Writing**

Andrey V. Ivanov

Nizhny Novgorod Linguistics University, Russia, Nizhny Novgorod

eLibrary Author SPIN: 1291-3219

<https://orcid.org/0000-0003-0031-5769>

Scopus Author ID: 572219471600

aivan@lunn.ru

Abstract: The article traces the terms *cherta* (dash) and *chertochka* (small dash; hyphen) and their semantics in the system of the Russian linguistic terminology. As the Russian graphics of the 9th–18th centuries remain understudied, so does the lexical status of dash and hyphen with their semantic and functional differences. Starting with their first mention in lexicographic sources, these two punctuation marks developed complex and interconnected systems of meanings. This fact opens a possibility of an unconventional semantic interpretation, determined by their functional potential. The author traced the semantics of *cherta* (dash) and *chertochka* (hyphen) in the Russian language in the 9th–18th centuries to specify their terminological status and identify their functional features. The study relied on the methods of historical, linguistic, definitional, and semantic analyses. Based on the available grammatical treatises, grammars, and dictionaries, *cherta* and *chertochka* evolved from the common language vocabulary to linguistic terms due to the functions they performed. Modern general and terminological dictionaries identify *chertochka* with the orthographic term hyphen. Despite its obvious terminological status, *cherta* remains outside specialized dictionaries because of its broad semantics. However, *cherta*, like *chertochka*, can be considered a term, at least in the historical-linguistic aspect. In the 9th–18th centuries, the term *cherta* had twelve meanings, each of which received its verbal designation not only through the term itself, but also due to a number of synonymous terms. Most of these meanings dated back to the 18th century, which saw the genesis of Russian linguistics and the first Russian grammars. The earliest meaning of the term goes back to the 9th century, when it denoted a special type of writing of the ancient Slavs (*cherty* and *rezy*, i.e., carved strokes). The semantic structure of the term *chertochka* included five meanings, which shaped in the second half of the 18th century. All of them correlated with the semantic structure of *cherta*. Based on the range of meanings and functional spheres, *chertochka* had a narrower use than *cherta*.

Keywords: dash, hyphen, graphic, graphic sign, linguistic term, terminological semantics, diachronic terminology

Citation: Ivanov A. V. *Cherta* (Dash) and *Chertochka* (Hyphen) in the History of Russian Writing. *SibScript*, 2025, 27(4): 705–717. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-4-705-717>

Received 13 Apr 2025. Accepted after peer review 30 Jun 2025. Accepted for publication 30 Jun 2025.

Введение

Проблеме буквенных и небуквенных письменных знаков посвящено значительное количество исследований, предпринятых в сфере орфографии и пунктуации. Однако большая часть из них раскрывает специфику функционирования этих средств применительно к современным условиям и актуальным правилам правописания и постановки знаков препинания. Гораздо меньшее внимание уделяется истории возникновения этих знаков, появлению принятых для них специальных словесных обозначений, становлению семантики последних сначала

как прототерминологических единиц (в основном в рамках изучения истории письма в целом и письменности отдельных языков в частности) и еще меньшее – знакам, которые, как показывает исследование, обойдены вниманием в силу их нечастотности, незначительности, неоднозначно трактуемой или расплывчатой семантики. К таким знакам можно отнести *черту* и *черточку*, которым посвящена предлагаемая статья.

Следует отметить, что еще Л. В. Щерба указывал на необходимость изучения истории слов

на протяжении определенного отрезка времени, начиная с той или иной определенной даты или эпохи, причем в рамках таких штудий интерес лингвиста должен фокусироваться не только на процессе возникновения новых слов и новых значений, но и на их отмирании, а также видоизменении [Шерстянникова 2015: 64]. Применительно к общей лексике русского словарного фонда эта задача решается весьма успешно. Что касается узкоспециальной лексики, к которой относятся терминологии, обслуживающие ту или иную профессиональную сферу человеческой деятельности, в том числе и лингвистику, то здесь ситуация выглядит несколько по-иному. Исторический экскурс в историю специальной лексики языкознания осложняется тем, что она нечасто включалась в словники словарей и номенклаторов, которые стали появляться в России начиная с XVI в., и однозначного терминологического статуса не имела, хотя, как отмечает В. В. Колесов, отдельные языковые единицы, прежде всего терминологические кальки, появившиеся в русле следования греко-латинской лингвистической традиции, а также некоторые оригинальные образования оказались вполне приемлемы и прижились на русской почве [Колесов 2003: 77]. По этой причине основными источниками, привлекаемыми к исследованию, становятся не лексикографические, а текстовые. К их числу относятся в первую очередь азбучники, алфавиты и переводные грамматические трактаты, а также их многочисленные списки, в которых во множестве встречаются не только кальки, но и своеязычные эквиваленты, часть которых впоследствии сформировала ядро зарождающейся терминосистемы русского языкознания [Корнейчук 2014: 24]. Для таких источников характерно использование развитой системы помет или отметок киноварью над словом, обозначающих язык-донор, из которого оно было заимствовано (*г*, *гр*, *греч*, *ел*, *елл*, *елли* и т. п.) [Юдин 2020: 1135].

Черта и *черточка* не являются кальками или переводными эквивалентами греческих или латинских терминов, а представляют собой исконные лексические единицы. Возникновение первой из упомянутых номинаций может быть датировано еще IX в. и связывается с разновидностью письма, которым

пользовались древние славяне, второй – XVIII в., когда на фоне растущего интереса к родному языку в России стали появляться первые грамматики.

В период с IX по XVIII в. постепенно сформировалась семантическая структура обеих языковых единиц, получивших со временем статус терминов и вошедших в словари. При этом следует отметить, что это наблюдение верно лишь отчасти, поскольку только *черточка* была и остается объектом описания в словарях как общей, так и терминологической лексики¹. Однако в этих источниках она всегда трактуется как орфографический знак *дефис* с неизменной отсылкой к этому термину. В противоположность этому *черта* никогда не включалась на правах дефинируемой терминологической единицы в словари лингвистической терминологии.

Гипотеза исследования заключается в том, что у номинаций *черта* и *черточка* со времени их первого упоминания в текстовых и лексикографических источниках возникли и развились сложные и взаимосвязанные системы значений, что позволяет с семантической точки зрения описывать их несколько иначе, чем это было принято до сих пор, а с учетом реализуемых ими функций – постулировать обусловленность семантики этих номинаций их функциональным потенциалом. Цель исследования – проследить эволюцию семантики *черты* и *черточки* в русском языке IX–XVIII вв., конкретизировать их терминологический статус и выявить их функциональные особенности на основе историко-лингвистического анализа письменных источников. При этом автор отдает себе отчет в том, что не все выявленные в ходе обследования эмпирического материала контексты однозначно свидетельствуют в пользу терминологического статуса *черты* и *черточки*, поскольку собственно терминологическая система русского языкознания начинает формироваться, по сути, только в XVIII в. [Бергер 2021: 14], «когда в сочинениях М. В. Ломоносова, Н. М. Карамзина стали формироваться терминосистемы отдельных наук, начали закладываться принципы построения и отбора русских терминов различных гуманитарных и естественных наук, а в первых словарях специальной лексики термины подвергались систематизации» [Блем, Меркурьева 2014: 167].

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка, ред. Н. Ю. Шведова. М.: Рус. яз., 1985. С. 766; Краткий словарь лингвистических терминов, сост. Н. В. Васильева, В. А. Виноградов, А. М. Шахнарович. М.: Рус. яз., 1995. С. 142; Толковый словарь русского языка, ред. Д. Н. Ушаков. М.: Терра, 1996. Т. 4: С–Я. Стб. 1264; Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: УРСС, 2004. С. 514; Стариченок В. Д. Большой лингвистический словарь. Ростов н/Д: Феникс, 2008. С. 698.

С учетом этого обстоятельства употребление обозначения *термин* применительно к номинациям *черта* и *черточка* в ряде случаев носит условный характер.

Основные задачи, решаемые в рамках поставленной цели:

1) обследовать текстовые и лексикографические источники, относящиеся к указанному промежутку времени, и выделить фрагменты (контексты), содержащие информацию о терминах *черта* и *черточка*;

2) проанализировать отобранные контексты на предмет выявления значений, в которых используются данные языковые единицы, и выстроить семантическую структуру этих единиц с учетом времени возникновения каждого выявленного значения;

3) сопоставить семантику терминов *черта* и *черточка* и установить возможные корреляции между отдельными элементами их семантических структур;

4) проанализировать функциональные особенности терминов *черта* и *черточка* с учетом выявленных значений этих терминов.

Исследование представляется актуальным с учетом недостаточной разработанности историографического аспекта изучения русской лингвистической терминологии, а его научная новизна определяется комплексным характером описания и анализа исследуемых терминов в диахронии, предполагающим синтез исторической, хронологической и лингвистической информации об исследуемых языковых явлениях.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы при подготовке научных статей и диссертационных работ, посвященных изучению истории терминов лингвистики.

Методы и материалы

В ходе исследования используются методы историко-лингвистического, дефиниционного и семантического анализа. Материалом исследования выступают грамматические трактаты, грамматики русского языка и словари, относящиеся к IX–XVIII вв., авторами которых выступили В. Ф. Бурцов-Протопопов, И. А. Гейм, Ф. Гёлтергоф, И. Дамаскин, (Карион) Истомин, Н. Г. Курганов, М. В. Ломоносов, И. А. Переверзев, В. С. Подшивалов, Ф. П. Поликарпов-Орлов, Я. Родде, М. Смотрицкий, И. В. Соц, Н. Спафарий, И. И. Татищев, Ф. П. Шаров, Н. М. Яновский и др.

Результаты

Формирование семантической структуры слова-термина *черта*

Значение 1

Одно из первых значений, фиксируемых в семантической структуре слова-термина *черта*, – линейный знак, предположительно, слогового письма у древних славян, получившего название *черты* и *резы* с учетом формы и способа нанесения этих знаков на материальный носитель (дерево, береста, камень). Проблеме установления того, что представляют собой *черты* и *резы*, уделяли внимание многие лингвисты и этнографы. В частности, Г. С. Гриневич на материале 25 надписей идентифицировал 240 письменных знаков такого рода, часть из которых оказались графическими вариантами других знаков. Даже с учетом выявленной вариативности «такое количество знаков... слишком велико для буквенного и недостаточно для словесно-слогового письма. Следовательно, скорее всего мы имеем дело со слоговой письменностью. О слоговом типе письма свидетельствует и обнаруженный в ряде надписей знак – косой штрих, стоящий обычно в нижней части строки справа от знака» [Гриневич 1993: 32]. *Черты* и *резы* трактуются и как «разновидности пиктографическо-тамгового и счетного письма, известного также у других народов на ранних этапах их развития» [Сказания... 1981: 176].

Первое упоминание о *черте* (в этом значении) встречается в IX–X вв. в трактате *О письменех* черноризца Храбра (рукоп. МДА, № 145, л. 380–383): «Прѣжде оубѣ словене не имѣахъ писмень, нѣ чертами и рѣзани гадаахъ, погани сѣще» [Палаузов 1852: 120; Ягич 1895: 300]. Известно, что помимо письменных знаков как таковых в составе изученных исследователями надписей встречались и иные знаки, выполнявшие разделительную или ограничительную функцию, знаки веса, календарные знаки и др. С помощью последних, как полагает Б. А. Рыбаков, древние славяне «считали дни и месяцы и гадали о будущем» [Рыбаков 2013: 174]. Видимо, именно эту функцию черт и резов имеет в виду Храбр, утверждая, что славяне «чрътами и рѣзани чътѣхъ и гатаахъ».

Позднее *черта* в том же контексте появляется в списках или комментариях к упомянутому трактату Храбра, относящихся к разным временным периодам. Ср.:

- *Слово святаго Кирила философа, учителя словеньску языку (XIII в.): «словенѣ не имѣхъ писаниѣ, нѣ чрътаниѣмъ чрътахъ и рѣжми рѣжахъ, тогда бѣхъ погани сѣще»* [Караѿић 1857: 7; Ягич 1895: 303];
- *О письменехъ черноризца Храбра* (рукоп. ИПБ, № I.F.376, л. 1016–1056; 1348 г.): «Прѣжде оубо словѣне не имѣхъ книгъ нѣ чрътами и рѣзами чѣтѣхъ и гатахъ погани сѣще» [Калайдович 1824: 189; Ягич 1895: 297];
- *Сказание како состави святии Кирил философ азбуку по языку словеньску* (рукоп. № 354 (син.). Л. 347–352; XVII в.): «Прѣжде оубо словане еше соуще погани не имѣхъ писманъ, но чертами и нарѣзанми читаху и гадаху» [Ягич 1895: 305];
- *Сказание како състави святии Кириль философъ азбоукоу по езикоу словенскоу (?XVII в.): «Преждѣ оубо Словене, юще погани соуще, нѣимѣхоу писмень, нѣ чрътанми и нѣрѣзанми (нѣ рѣзанми?) читахоу и гадахоу»* [Там же: 956];
- *Азбука* (1637 г.): «Прѣжде оубо словѣне еше сѣще погани. не имѣху писмень. но чертами и нарѣзанми читаху и гадаху»².

Значение 2

Второе значение слова-термина *черта* (с учетом хронологического параметра) связывается с мельчайшими элементами буквенного знака, включая едва заметные обозначения в виде *черточек*, которыми отличается написание некоторых внешне похожих букв древнееврейского алфавита: א (бет) и כ (каф), ד (далет) и ר (реш) и др. В этом значении *черта* упоминается в Евангелии от Матфея вместе с йотой или йодом (י) – самой маленькой буквой древнееврейского алфавита: «Ибо истинно говорю вам: доколе не преидет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не преидет из закона, пока не исполнится все» (От Матфея 5:18). Самое раннее словоупотребление дважды зафиксировано в *Остромировом Евангелии* (1057 г.): «Дондеже прѣидеть нбо и землѣ писма єдино или єдина чръта не прѣидеть отъ закона»³.

Более поздние случаи такого же и подобного словоупотребления встречаются в следующих текстовых источниках:

- *Четвероевангелие* (парижский список, № 25; до 1346 г.): «дондеже прѣидеть небо и землѣ. писме єдино или єдина чръта не прѣидеть вѣтъ закона дондеже вса боудоуть» [Памятники... 1879: 85];
- *О письменехъ* (Константин Философ; XV в.): «а ѿ иже сѣцевѣихъ моужѣи писаніе възъмъ прѣпишетъ, еліко чрътъ и рѣзвѣ писмень погрѣшитъ или прѣтворитъ... толіко развѣращеніе введетъ, и толіко раздѣленіа єдино на двоуго» [Ягич 1895: 396];
- *Грамматика славенская* (1648 г.): «и не єсть безъ менѣ ни єдиныѣ чертъѣ ѣже тростію полагаема, или писмѣ или слогъ, или часть» [Смотрицкий 1648: мѣ об.];
- *Книга избранная вкратце о девяти мусахъ и о седми свободныхъ художествахъ* (рукоп. РНБ, № Q.XVII.13; 1672 г.): «и нѣсть безъ менѣ ни єдиныѣ чертъѣ ѣже тростію полагаема или писмѣ или слогъ, или часть»⁴;
- *Грамота Холмогорскаго архіепископа Афанасія* (1695 г.): «указали мы преосвященный архіепископъ вамъ <...>, чтобъ они во время преписанія писали бѣ рѣчи и литеры, и просодію, и точки, и запятыя, и двоеточіе хранили противъ подлинного преписанного отъ насъ чиновника отнюдь непреложно, а не прибавливать, ниже убавливать въ преписаніи ни оты, ниже черты единой измѣнять»⁵;
- *Книга святаго Иоанна Дамаскина философская о осми частехъ слова* (рукоп. РГБ № 192, ф. 256 (Рум.), пер. Иоанна экзарха болгарского; начало XVIII в.): «и не єсть безъ мене ни єдиныѣ чертъѣ ѣкоже тростію полагаема или писмо или слогъ или часть»⁶;
- *Грамматика доброголаголиваго славеноросскаго языка* (вторая половина XVIII в.): «и не єсть

² Бурцов-Протопопов В. Ф. *Азбука*. М.: Типография Единоверцев, 1637. пѣ-пѣ об.

³ Остромирово Евангелие 1056–57 года. С приложением греческаго текста Евангелий, ред. А. Востоков. СПб.: Императорская АН, 1843. С. 213, 229.

⁴ Спафарий Н. *Книга о сивилляхъ, колика быша: и киими имены и предречениихъ ихъ*. Рукоп. РГБ. Ф. 256. № 227. 1673 г. С. 20.

⁵ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою Коммиссіею. Т. XIV: Акты холмогорской и устюжской епархий. СПб.: А. Катанский и Ко., 1894. Стб. 487.

⁶ Грамматика и Философия, предшествуемые Риторикой неизвестного сочинителя XVII в. Рукоп. РГБ. Ф. 256 (Рум.). № 192 (начало XVIII в.). Л. 74–74 об.

без' неа ни е́диныа чертъ ѿже тробѣиу полагаемаа, и́ли писмѣ и́ли слѣгъ, и́ли часть»⁷.

В значении 2 *черта* впервые становится объектом лексикографического описания в XVII в. Около 1650 г. Епифаний Славинецкий включает эту лексему в *Лексикон латинский з Калепина предложенный на славенский* в качестве переводного эквивалента лат. *apex*: «арех, ве(р)хъ,iota, черта»⁸. В этом же качестве *черта* встречается в 1700 г. в *Dictionarium Latino-Slavonicum*⁹ и в первой половине XVIII в. в *Латинско-русском словаре*¹⁰. Связь лексем *арех* и *черта* представляется очевидной, поскольку одним из основных значений *арех* является следующее: 'очертания букв, черточки, точки, значки, засечки как часть букв; письмена'. Наряду с классическими источниками на латинском языке (Квинтилиан, Авл Геллий), оно фиксируется в датируемой 382 г. *Biblia Sacra Vulgata* в контексте слов Христа, цитируемых позднее в Евангелиях Матфеем, а затем Лукой. У Матфея читаем: *iota unum aut unus apex non praeteribit* (Mt. 5:18); у Луки: *quam de lege unum apicem cadere* (Lc. 16:17). «Широкое распространение канонического перевода библейского текста на латыни и постоянно увеличивавшееся количество толкований и комментариев к последнему привело к тому, что употребление слова *арех* в этом значении оказывается намного более частотным, чем в прочих его значениях» [Иванов 2021: 197]. Этим обстоятельством можно объяснить и многочисленные употребления лексемы *черта* в значении 'элемент буквенного знака'.

Значение 3

Слово-термин *черта* могло употребляться в славянской письменности в качестве строчного знака препинания, хотя таковой *черта*, по сути, не являлась, поскольку отражала только интонационную сторону высказывания, не деля его с синтаксической точки зрения на отдельные смысловые части. Основная

функция черты как знака состояла в указании на повышение голоса в этом месте высказывания, не сопровождающееся артикуляционной паузой. Тем не менее это обстоятельство не мешало отнесению черты к так называемым точкам, т.е. совокупности строчных знаков препинания. Ср.:

- *Об осмих частех слова, елика пишем и глаголем* (XVII в.): «Точка · во ѿнѣх же грамотѣках пишются ꙗко сѣх знаменїи раздѣляющих стих на строки. И первъѣ вних пишется черта /»¹¹.

Интересующие нас случаи словоупотребления встречаются в следующих текстовых источниках, относящихся к XVII в.:

- *Граматики Славенския правильное Синтагма* (рукоп. № 126 (Моск. Публ. и Рум. муз.); 1619 г.): «Препина́нїа стрѣчна сѣтъ дѣсѣтъ: черта / : запѣта... Черта полагаѣтся по нача́томъ глѣнїи в ма́лѣ восторгнеомъ, ѿдо́хомъ о́баче непрепа́томъ» [Смотрицкий 1619] (в более поздних изданиях грамматики Смотрицкого (1638 г.) эта формулировка повторяется дословно [Hrammatiki... 1977: 85]);
- *Начало книзе глаголемей грамматика* (л. 94; 1622 г.): «Точка · во ѿнѣх же грамотѣках пишется, ꙗко сѣх знаменїи, раздѣляющих стих на строки. И первъѣ в них пишется черта. /» [Кузьминова 2002: 175];
- *Книга глаголемая грамматика по языку словенску* (л. 16–16 об.; 1622 г.): «Начало ѿмѣтъ точки во всѣх писанїих, меншими; сїце; черта / . сѣца, ... Раздѣляет же сѣ всѣх стих сїце; по первъѣ рѣчѣ остаѣлѣтся малораздвиженїе, И потомъ полагаѣтся черта / ꙗко по нѣй запѣта, ꙗко прѣча» [Там же: 42–43].

Вплоть до начала XVIII в. *черта* как *строчное препинание* упоминается в основном в букварях и алфавитах¹².

⁷ Смотрицкий М. Г. Грамматика доброглаголивого славенороссийского языка. М.: Московский Печатный двор., [2-я пол. XVIII в.]. Л. 8.

⁸ Лексикон словено-латинский Е. Славинецкого та А. Корещького-Сатановського, ред. В. В. Німчук. Київ: Наукова думка, 1973. С. 86.

⁹ *Dictionarium Latino-Slavonicum. Anno 1700 Moschovia Reparata Salutis*. Рукоп. РГБ. Ф. № 173.1. Ед. хр. № 335.

¹⁰ Латинско-русский словарь. Рукоп. РГБ. Ф. 173.1. № 343. С. 18.

¹¹ Дамаскин И. О осмих частех слова, елика пишем и глаголем. Рукоп. РГБ. № 380 (Тих.) (XVII в.). Л. 77 об.–78.

¹² См., напр., в: Истомин (Карион). Букварь языка славенска хотящим детям учиться чтения писаний начало всех писмен достолепное начертание. М.: б/и, 1696; Поликарпов-Орлов Ф. П. Букварь славенскими, греческими, римскими писменами, учиться хотящим. М.: б/и, 1701. 159 с.; Bragone M. C. *Alfavitari radi učenija malych detej. Un abbecedario nella Russia del Seicento*. Firenze: Firenze University Press, 2008. 285 p.

Значение 4

Это значение связывается с внешней формой знаков острого и тяжелого ударений, которые качественно различались в классических языках, а позднее под влиянием греческой традиции были некритично перенесены на славянскую почву и получили названия *оксии* и *вариш*. Оба знака представляли собой небольшие наклонные линии (черточки) над гласными буквами, направленные вниз, соответственно, справа налево и слева направо. Оксия служила для обозначения высокого и восходящего тона и могла стоять практически над любым слогом, исключая конечный ударный слог в двусложном или многосложном слове, если он оканчивался на гласный или состоял из одного только гласного. В последнем случае в целях выделения ударного слога использовалась вариш. В церковнославянской письменности случаи употребления вариш ограничивались рядом условий; кроме того, она могла также употребляться для обозначения позиционной долготы гласного. С учетом однородного характера русского ударения, определяемого не высотой или долготой звука, а силой и напряжением, возникающим при произнесении ударного гласного, смысла в выделении нескольких видов ударения в русской просодии не было.

С опорой на сложившуюся в славянской письменности традицию оба ударения, для описания которых использовалось слово *черта*, упоминались в первых русских грамматиках. К примеру М. В. Ломоносов в *Российской Грамматике* писал: «Для оказанія складовъ съ удареніемъ отъ другихъ безъ ударенія ставятъ Греки надъ ними чертыи другіе знаки» [Ломоносов 1755: 22]; «Надстрочные знаки два употребительны. 1.) Черта, для показанія разной силы на подобныхъ реченіяхъ» [Там же: 61]. Н. Г. Курганов в *Российской универсальной грамматике* также выделял несколько видов ударений, используя при их описании *черту* в качестве метаязыкового средства: «Удареніевъ три, острое ´ тяжкое ` краткое ~ означаемыхъ чертою и скобкою» [Курганов 1769: 5; 1793, I: 4]. Еще один подобный случай встречается в *Кратких Правилах Российскаго правописания* И. А. Переверзева: «Надстрочные знаки суть *черта* и *скобки*». Черты употребляютъ для указанія разнаго ударенія въ реченіяхъ разнаго знаменованія, а одного выговора. На пр. *вѣды, воды*» [Переверзев 1787: 36].

В описываемом значении слово *черта* стало объектом лексикографической фиксации только в *Deutsch-Russisches Wörterbuch* Я. Родде: «Tonzeichen, (das) der Accent, чертѣ для показанія силы реченія»¹³.

Значение 5

Термин *черта* в ряде случаев использовался как функциональный эквивалент термина *макрон*, который обозначает долготу гласного или слога. В 1787 г. в *Сокращенном Латинском языкоучении* И. И. Шеллер писал о *поперешной черте*, которая выступает в функции знака, заменяющего удвоенную гласную: «Долгій слогъ выговаривали они протяжно... да и писали также различно: потомъ выпускали одну гласную и поставляли надъ оставшейся поперешную черту, или другой напominательный знакъ удвоенія, на пр: *рѣпо, mensā cet.*» [Шеллер 1787: 5].

Если для грамматик древних языков описание такого знака представляется обычным явлением, то в грамматиках новых европейских языков макрон как средство обозначения долготы встречался нечасто; в этой функции ему предпочитали «крышечку», т. е. знак обличенного ударения. Так, Ф. П. Шаров в *Новой Немецкой грамматике* использовал обозначения долготы и краткости, принятые в латинских грамматиках: «въ Нѣмецкомъ языкѣ, такъ какъ и въ прочихъ суть долгіе и короткіе слоги, долгіе означаются слѣдующею чертою –, а короткіе симъ краткимъ знакомъ ~» [Шаров 1792: 637].

Значение 6

В этом значении термин *черта* выступает в качестве синонима к номинации *кендема*, которая представляет собой надстрочный знак в славянской письменности, имеющий обычно вид удвоенного грависа (знака тяжелого ударения) и используемый в функции просодического знака, знака препинания, а также сократительного знака над согласной буквой, который ставится вместо опускаемого ера (Ъ) или еря (Ь). Черта (точнее, двойная черта) выступает эквивалентом кендемы в первой из указанных функций, т. е. в функции просодического знака. В основе терминологической близости здесь также лежит сходство знаков по внешнему виду. Ср.: в *Технология то есть художное собеседование о грамматическом художестве...* (1720–1725 гг.): «[v] пишема сѣдѣхомъ в началѣ, а всрединѣ под сицевыми чертами

¹³ Rodde J. Deutsch-Russisches Woerterbuch. Riga: bey Johann Freidrich Hartknoch, 1784. S. 539.

так *v̋* или под оѣю за и прѣмлется» [Поликарпов-Орлов 2000: 161]. Наряду с *чертой* в этом значении использовалось еще одно обозначение – *палка*, поэтому у *кендемы* есть параллельная номинация – *две палки*. Наличие палок над ижицей, равно как и знака острого ударения или легкого придыхания, индицирует ее произношение как гласного звука /и/, а их отсутствие – как согласного /в/.

Значение 7

Черта иногда выступала в качестве обозначения для знака, который позднее стали называть дефисом. К примеру, в *Полном Немецко-Российском Лексиконе* обнаруживаем перевод немецкого слова *Bindezeichen*: «единичной знакъ или черта въ грамматикѣ, на прим: Ober-Hof-Marschall»¹⁴. Такого рода случаи не являются частотными, поскольку в качестве терминологического обозначения для дефиса в основном применялось более конкретное наименование, включающее слово *черта*, а именно *черта соединительная* (в приведенной выше цитате таковым обозначением выступает также «единичной знакъ»). Иногда прибегали к термину *черточка* с учетом длины знака, используемого при полуслитном (дефисном) написании сложных слов (см. об этом подробнее в [Иванов 2023a]).

Значение 8

При описании значения 3 (см. выше), упоминалось о том, что некоторые грамматисты относили *черту* к так называемым точкам, т. е. к знакам препинания. Исключая случаи, в которых *черта* выступала в этом качестве, но не как истинный знак препинания, а как средство обозначения интонации, приведем контекст, в котором она используется в значении 'запятая': «О ПРЕПИНАНІЯХЪ. I. Комма (:запятая:) есть черта (,) которая употребляется тогда, когда рѣчь еще не совершенно и не весма окончена, при чемъ мало отдыхаютъ, или слова въ писаніи для ясности мало отставляють»¹⁵. Такое словопотребление целесообразно считать единичным.

Значение 9

В конце XVIII в. *черта* начинает встречаться как синоним к термину *тире*, который, по нашим данным, впервые упоминается в 1802 г. в *Немецкой грамматике* И. А. Гейма как эквивалент термина *Gedankenstrich* [Гейм 1802: 133] (см. об этом подробнее в [Иванов 2023b]). В двух обнаруженных контекстах *тире* характеризуется как «простая черта» или как «большое *tiré*», т. е. та же черта, употребляемая на письме с целью «избѣгнуть двоесмслія»¹⁶. *Черта* описывается в этих контекстах как «знак расстановки», позволяющий разделить высказывание на части, между которыми возникает артикуляционная пауза, обособляющая эти части друг от друга [Додсли 1789: 51].

Значение 10

Это значение *черты* передает ее функцию как вспомогательного графического знака, используемого для связи на письме двух букв, иными словами, при написании диграфов. И. И. Татищев как составитель *Полного Французского и Российского Лексикона* использовал термин *черта* в качестве метаязыкового средства описания связи между графическими знаками, но не в современном его терминологическом значении, описывающем фонетическое соединение слов в звучащей речи (ср.: *il faut faire la liaison entre l'article et le nom* 'следует произносить слитно артикль и существительное'): «LIAISON, (въ писаніи, въ писмѣ) связь, тоненькая черта перомъ проведенная и связывающая одну букву съ другою»¹⁷.

Значение 11

Данное значение, как и предыдущее, также связывается с графикой. Вид черты имеет верхний элемент восклицательного знака (вертикальная черта над точкой), называвшегося в описываемый период времени и ранее также знаком удивительным. Обследование текстовых источников позволило выявить два случая такого словопотребления (оба относятся к XVIII в.):

¹⁴ Полный Немецко-Российский Лексикон, из большого грамматичально-критическаго Словаря господина Аделунга составленный. Т. I: A–L. СПб.: Иван Вейтбрехт, 1798. С. 285.

¹⁵ Немецкая грамматика из разных авторов собрана... СПб.: Императорская АН, 1730, 413. С. 121.

¹⁶ Муза. № III. СПб.: Типография Плавильщикова, 1796. С. 141.

¹⁷ Полный Французской и Российской Лексикон, сост. И. И. Татищев. Т. II: L до Z. СПб.: Императорская типография, 1786. С. 27; Полный Французской и Российской Лексикон, сост. И. И. Татищев. Т. II: L–Z. СПб.: Иван Вейтбрехт, 1798. С. 34–35.

- *Технология то есть художное собеседование о грамматическом художестве...* (1725 г.): «удивительное на чесомъ wкончевается; На знáкъ удивительномъ, иже имѣетъ тóчку, а'над тóчкою черту́ стоящую» [Поликарпов-Орлов 2000: 331];
- *Сокращенное Латинское языкоучение или Грамматика новейшая*: «Но естли въ ономъ [положеніи] находится будетъ восклицаніе, то надъ точкою поставляется черта вертикальная (!), и называется знакомъ восклицательнымъ, *fignum exclamationis*» [Шеллер 1787: 11].

Значение 12

Это значение, фиксируемое в семантической структуре слова-термина *черта*, встречается в последней четверти XVIII в. в *Полном Французском и Российском Лексиконе* И. И. Татищева и относится к сфере графики: «HIÉROGLYPHE, *f. m.* Иероглифъ, таинственный знакъ писанія, черта, изрѣченіе таинственное, коего смыслъ закрыть»¹⁸.

Формирование семантической структуры слова-термина *черточка*

Значение 1

Первое значение слова-термина *черточка* совпадает со значением 4 термина *черта* и описывает функциональную способность *черточки* выступать в качестве терминологического обозначения для знака ударения (острого или тяжелого). Впервые термин в этом значении использовал А. А. Барсов, поначалу при переводе латинской грамматики К. Целлария в 1762 г., а в 1788 г. – при составлении своей русской грамматики. В первом случае *черточка* оказывается в ряду надстрочных диакритических знаков, получающих весьма любопытные, но вполне традиционные для своего времени наименования – «черточки, крючки, кровельки», обозначающие различные виды латинского ударения¹⁹.

Во втором случае термин *черточка* сопоставляется с терминами *сила* и *ударение*: «Имена буквъ при складываніи выговариваются тише и ниже, а складъ самый изъ нихъ происшедшій выражается нѣсколько громче и выше; чего ради оный здѣсь въ примѣрахъ

и означенъ вѣздѣ сверху наискось проведенною черточкою, что называется *сила* или *удареніе*» [Барсов 1981: 67].

Лексикографически термин в этом значении описан в 1803 г. в *Новом словотолкователе* Н. М. Яновского, однако выступает он там не в качестве леммы (поскольку в словаре лемматизированы слова иностранного происхождения), а как мета-языковая единица, входящая в состав дефиниции термина *акцент*: «АКЦЕНТЪ, Лат. Словоудареніе; знакъ, изображаемый черточкою и ставимый надъ гласною для показанія какъ произносить, или для отличенія смысла двухъ словъ, пишущихся одинакимъ образомъ»²⁰.

Значение 2

В этом значении под *черточкой* понимается тире, что позволяет соотнести его со значением 9 термина *черта*. Однако, если *черта* была использована в этом значении, как показывает исследование, впервые в 1789 г., то черточка стала объектом лексикографической фиксации уже в 1769 г. во *Французском Целлариусе*, или *Полезном Лексиконе* Ф. Гёлтергофа: «*tiret, m.* черточка, линѣчка»²¹, а в 1802 г. встретилась в *Немецкой грамматике* И. А. Гейма: «Обыкновенные знаки препинанія суть: <...> der Gedankenftrich, тире, или черточка (-)» [Гейм 1802: 133].

Поскольку тире как знак препинания используется не только в целях отделения или выделения части высказывания, но и как знак, замещающий опущенную часть высказывания, приведем цитату, обнаруженную в предисловии к *Российскому Целлариусу* Ф. Гёлтергофа, в которой описывается эта функция *черточки*: «Но сіи неопредѣленные либо цѣлыми словами выражены, либо только съ черточкою – послѣдней слогъ неопредѣленного поставлень, смотря какъ того нужда требовала»²².

Значение 3

Черточка выступала в качестве графического средства обозначения долготы гласного или слога. Это ее значение сопоставляется со значением 5 в семантической структуре термина *черта*.

¹⁸ Полной Французской и Российской Лексикон, сост. И. И. Татищев. Т. I: А–К. СПб.: Императорская типография, 1786. С. 607.

¹⁹ Краткая Латинская Грамматика, сочиненная Господином Целлариусом, исправленная и умноженная Господином Геснером. М.: Университетская типография, 1762. С. 145.

²⁰ Яновский Н. М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. Т. I: А–И. СПб.: Императорская АН, 1803. Стб. 72.

²¹ Гёлтергоф Ф. Французской Целлариус, или Полезной Лексикон. М.: Императорский Моск. ун-т, 1769. Стб. 625.

²² Гёлтергоф Ф. Российской Целлариус, или Этимологической Российской Лексикон. М.: Императорский Моск. ун-т, 1771.

Оба термина использовались параллельно друг другу, причем черта, судя по результатам исследования, демонстрирует бóльшую частотность, чем *черточка*. Последняя встречается в 1788 г. в русской грамматике А. А. Барсова в контексте рассуждений автора о долготе и краткости слогов в стихотворной русской просодии, которая с учетом специфики русского ударения является тонической. Поэтому слоги ударные А. А. Барсов приравнивает к слогам долгим, безударные – к кратким, снабжая их соответствующими обозначениями («поперечная чёрточка» и «скобочка вверх» обороченная»), напр., *ру́ка̃, ру́кѣ, ру́кѣ* [Барсов 1981: 81].

Значение 4

Это значение соответствует значению 7 термина *черта*. Однако в отличие от *черты* оно связывается не только с полуслитным (дефисным) написанием сложных слов, но и с переносом слов из одной строки в другую. Иными словами, *черточка* обладает в этом смысле выраженной функциональной универсальностью, поскольку охватывает практически всю сферу применения знака, который мы сейчас называем дефисом – функцию соединения слов и функцию их разделения. Приведем в качестве примера характерные контексты:

- *Полной Французской и Российской Лексикон*: «TIRET, черточка, которая проводится въ концѣ строки, когда неокончится слово, или между словомъ составленнымъ изъ двухъ реченій, знакъ соединенія, соединительная черта»²³;
- *Новый Лексикон* И. В. Соца: «Tiret, <...> ein kleiner Zug oder Strich, exiguus tractus feu ductus, единитная, соединительная черта, черточка, которая проводится въ конце строки, когда не окончится слово, или между словомъ составленнымъ изъ двухъ реченій, знакъ соединенія»²⁴.

Значение 5

Черточка может выступать в качестве терминологического обозначения какого-либо элемента небуквенного графического знака. В системе русской графики описываемого периода такого рода обозначения встречаются достаточно часто, номинируя либо элементы буквенных знаков, выходящие

за пределы верхней или нижней границы строки (выпуски, палочки, хвостики и т.п.), либо элементы знаков препинания (знаки восклицательный и вопросительный, двоеточие, точка с запятой и др.). В этом смысле это значение коррелирует со значением 11 термина *черта*.

В 1798 г. В. С. Подшивалов в *Краткой русской просодии* обозначил этим термином части цезуры (/), т.е. метрической паузы в стихе: «Въ каждомъ изъ приведенныхъ здѣсь стиховъ послѣ начальныхъ трехъ стопъ слѣдуетъ остановка или цезура, которая в первыхъ четырехъ означена двумя черточками» [Подшивалов 1798: 24].

Заключение

В период с IX по XVIII в. включительно в семантической структуре слова-термина *черта* возникли 12 значений, практически каждое из которых получило свое выражение не только в самом этом термине, но и целом ряде синонимичных терминологических номинаций. Бóльшая часть этих значений сформировалась в XVIII в., что связано с развитием науки о языке и появлением первых русских грамматик.

К значениям слова-термина *черта* (здесь они указаны с учетом хронологического параметра) относятся следующие:

1. Линейный знак, предположительно, слогового письма у древних славян, получившего название *черты* и *резы* с учетом формы и способа нанесения этих знаков на материальный носитель, каковым выступали дерево, береста, камень и т.п. (IX в.).

2. Элемент буквенного знака, в том числе едва заметные обозначения в виде черточек, точек, значков, засечек, которыми различается написание отдельных букв в алфавитах некоторых языков; например, в еврейском языке כ (бет) и כּ (каф), 𐤌 (далет) и 𐤌 (рэш) и др. (1057 г.).

3. Знак, считавшийся в славянской письменности строчным знаком препинания, который ставился для указания на повышение голоса в процессе речи, не сопровождающееся артикуляционной паузой (XVII в.).

4. Знак в славянской письменности, имеющий обычно вид удвоенного грависа (знака тяжелого ударения) и используемый в функции знака,

²³ Полной Французской и Российской Лексикон... Т. II: L–Z. С. 607.

²⁴ Соц И. В. Новый Лексикон или Словарь на Французском, Италианском, Немецком, Российском и Латинском языках. Т. II: G–Z. М.: Н. Новиков, 1787. С. 582

определяющего качество произносимого звука (≈ кендема) (1720–1725 гг.).

5. Элемент небуквенного графического знака (1725 г.).

6. Знак препинания, служащий для разделения, обособления или выделения частей предложения (= запятая) (1730 г.).

7. Графический знак, используемый для выделения ударной части слова (= знак острого или тяжелого ударения) (1755 г.).

8. Соединительная черта, связывающая на письме один графический знак с другим (1786 г.).

9. Знак иероглифический (1786 г.).

10. Знак долготы над гласной буквой или слогом (= макрон) (1787 г.).

11. Знак препинания в виде длинной горизонтальной черты, используемый в целях отделения, выделения или опущения (пропуска) части высказывания (= тире) (1789 г.).

12. Строчный знак, имеющий вид короткой горизонтальной черты или скобки, объединяющей части слова при полуслитном (дефисном) написании (= дефис) (1798 г.).

Все выявленные значения слова-термина *черточка* имеют свои корреляты в семантической структуре термина *черта*. При этом значения 2 и 4 *черточки* оказываются более широкими по сравнению с аналогичными значениями, выявленными у термина *черта*. С учетом количества значений, а следовательно, и функциональных возможностей черты, можно сделать вывод о более узкой

области применения черточки как терминологического знака.

Слово-термин *черточка* выступает в 5 значениях, и все они, как показывает исследование, сформировались во второй половине XVIII в. К этим значениям (с учетом хронологического параметра) относятся следующие:

1. Графический знак, используемый для выделения ударной части слова (= знак острого или тяжелого ударения) (1762 г.).

2. Знак препинания в виде длинной горизонтальной черты, используемый в целях отделения, выделения или опущения (пропуска) части высказывания (= тире) (1769 г.).

3. Строчный знак, имеющий вид короткой горизонтальной черты или скобки, объединяющей части слова при полуслитном (дефисном) написании или разъединяющей их при переносе из одной строки в другую (= дефис) (1786 г.).

4. Знак долготы над гласной буквой или слогом (= макрон) (1788 г.).

5. Элемент небуквенного графического знака (1798 г.).

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Барсов А. А. Российская грамматика. М.: Моск. ун-т, 1981. 776 с. [Barsov A. A. *Russian grammar*. Moscow: Moscow University, 1981, 776. (In Russ.)]
- Бергер О. Синтаксические термины в русском и чешском языках: сопоставительный аспект (на материале выбранных терминов). Brno: Masaryk University Press, 2021. 141 с. [Berger O. *Syntactic terms in Russian and Czech languages: A comparative aspect (based on selected terms)*. Brno: Masaryk University Press, 2021, 141. (In Russ.)]
- Блем И. В., Меркурьева В. Б. Становление лингвистического терминоведения. *Вестник ИрГТУ*. 2014. № 7. С. 166–169. [Blem I. V., Merkuryeva V. B. Linguistic terminology science formation. *Vestnik IrGTU*, 2014, (7): 166–169. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qmtiie>
- Гейм И. А. Немецкая Грамматика. М.: Унив. тип., 1802. 135 с. [Heim B. A. *German grammar*. Moscow: Univ. tip., 1802, 135. (In Russ.)]
- Гриневиц Г. С. Праславянская письменность. Результаты дешифровки. М.: Общественная польза, 1993. 328 с. [Grinevich G. S. *Proto-Slavic writing. Results of deciphering*. Moscow: Obshchestvennaia polza, 1993, 328. (In Russ.)]
- Додсли Р. Наставник или Всеобщая система воспитания преподающая первые основания учености. СПб.: Тип. Горного Училища, 1789. 394 с. [Dodsley R. *Mentor, or the General system of education teaching the first foundations of scholarship*. St. Petersburg: Tip. Gornogo Uchilishcha, 1789, 394. (In Russ.)]

- Иванов А. В. Апекс в историко-этимологическом и лексикографическом аспектах. *Современная германистика и западноевропейская литература*, отв. ред. А. В. Иванов. М.: ФЛИНТА, 2021. Вып. 3. С. 184–207. [Ivanov A. V. Apex from historical, etymological and lexicographical viewpoint. *Modern Germanic studies and Western European literature*, ed. Ivanov A. V. Moscow: FLINTA, 2021, iss. 3, 184–207. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wwwwdi>
- Иванов А. В. Многоликий дефис. *Язык и культура*. 2023а. № 62. С. 26–53. [Ivanov A. V. The many-faced hyphen. *Yazyk i kultura*, 2023a, (62): 26–53. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xwfjen>
- Иванов А. В. Термин «тире» в историко-лингвистической и лексикографической ретроспективе. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2023b. Т. 20. № 4. С. 684–698. [Ivanov A. V. The term *tire* (dash) in historical-linguistic and lexicographic retrospective. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta, Yazyk i Literatura*, 2023b, 20(4): 684–698. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/spbu09.2023.402>
- Калайдович К. Ф. Иоанн, Ексарх Болгарский. Исследование, объясняющее историю Словенского языка и литературы IX и X столетий. М.: Тип. С. Селивановского, 1824. 218 с. [Kalaidovich K. F. *John, Exarch of Bulgaria. A study explaining the history of the Slavonic language and literature of the 9th and 10th centuries*. Moscow: Tip. S. Selivanovskago, 1824, 218. (In Russ.)]
- Караџић В. С. Примјери српско-славенскога језика. У Бечу: У штампарији Јрменскога Манастира, 1857. 80 с. [Karađić V. S. *Examples of Serbian-Slavonic grammar*. Бечу: At the stamping house of the Jermenskiy Monastery, 1857, 80. (In Serb.)]
- Колесникова Е. А. О некоторых особенностях русской лингвистической терминологии (конец XVIII – начало XX вв.). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2009. № 2. С. 144–151. [Kolesnikova E. A. About some features of the Russian linguistic terminology (the end of the 18th – the beginning of the 20th centuries). *Philology. Theory & Practice*, 2009, (2): 144–151. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/muuptx>
- Колесов В. В. История русского языкознания: Очерки и этюды. СПб.: СПбГУ, 2003. 472 с. [Kolesov V. V. *History of Russian Linguistics: Essays and studies*. St. Petersburg: SPbSU, 2003, 472. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qrmicb>
- Корнейчук Ю. В. Структурная характеристика синтаксической терминологии в российских грамматиках конца XVIII – первой половины XX века. Нижневартовск: НВГУ, 2014. 151 с. [Korneychuk Yu. V. *Structural characteristics of syntactic terminology in Russian grammars of the late 18th – first half of the 20th century*. Nizhnevartovsk: NVSU, 2014, 151. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uxhjnr>
- Кузьминова Е. А. Грамматический сборник 1620-х годов (№ 336 из собрания Тихонравова). *AION Slavistica, Quaderno*. 2002. № 1. Napoli: Istituto universitario Orientale. 282 p. [Kuzminova E. A. Grammatical collected papers of the 1620s (No. 336 from Tikhonravov's Collection). *AION Slavistica, Quaderno*, 2002, (1). Napoli: Istituto universitario Orientale, 282. (In Russ.)]
- Курганов Н. Г. Писмовник, Содержащий в себе науку Российского языка. СПб.: Императорская АН, 1793. Т. I. 394 с. [Kurganov N. G. *Writing Compendium, containing the science of the Russian language*. St. Petersburg: Imperial AS, 1793, vol. I, 394. (In Russ.)]
- Курганов Н. Г. Российская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословие. СПб.: Тип. Морского Корпуса, 1769. 424 с. [Kurganov N. G. *Russian universal grammar, or General writing*. St. Petersburg: Tip. Morskogo Korpusa, 1769. (In Russ.)]
- Ломоносов М. В. Российская Грамматика. СПб.: Императорская АН, 1755. 212 с. [Lomonosov M. V. *Russian Grammar*. St. Petersburg: Imperial AS, 1755. (In Russ.)]
- Палаузов С. Н. Век болгарского царя Симеона. СПб.: Императорская АН, 1852. 166 с. [Palauzov S. N. *The Age of Bulgarian Tsar Simeon*. St. Petersburg: Imperial AS, 1852, 166. (In Russ.)]
- Памятники древней письменности, ред. Ф. И. Булгаков. СПб.: В. С. Балашев, 1879. Вып. IV. 208 с. [Monuments of ancient writing, ed. Bulgakov F. I. St. Petersburg: V. S. Balashev, 1879, vol. IV, 208. (In Russ.)]
- Переверзев И. А. Краткия Правила Российского правописания. М.: Компания Типографическая, 1787. 39 с. [Pereverzev I. A. *Brief Rules of Russian Orthography*. Moscow: Kompaniia Tipograficheskaya, 1787. (In Russ.)]
- Подшивалов В. С. Краткая Русская Просодия, или Правила, как писать Русские стихи. М.: Унив. тип., 1798. 59 с. [Podshivalov V. S. *Brief Russian prosody, or Rules on how to write Russian poetry*. Moscow: Univ. tip., 1798, 59. (In Russ.)]

- Поликарпов-Орлов Ф. П. Технология, то есть художное собеседование о грамматическом искусстве. СПб.: Инапресс, 2000. 374 с. [Polikarpov-Orlov F. P. *Technology as an artistic conversation on the art of grammar*. St. Petersburg: Inapress, 2000, 374. (In Russ.)]
- Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. М.: Акад. проект, 2013. 806 с. [Rybakov B. A. *Paganism of Ancient Rus'*. Moscow: Akad. proekt, 2013, 806. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vrsilt>
- Сказания о начале славянской письменности, отв. ред. В. Д. Королук. М.: Наука, 1981, 198 с. [*Tales of the beginning of Slavic writing*, ed. Korolyuk V. D. Moscow: Nauka, 1981, 198. (In Russ.)]
- Смотрицкий М. Грамматика Славенския. М.: Московский Печатный двор, 1648. 756 с. [Smotryckyj M. *The Slavic grammar*. Moscow: Moscow Printing House, 1648, 756. (In Russ.)]
- Смотрицкий М. Грамматики Славенския правильное Синтагма. Эвью (Евье): Тип. Братская, 1619. 398 с. [Smotryckyj M. *The correct Slavic grammar Syntagma*. Ev'yu (Evye): Tip. Bratskaia, 1619, 398. (In Russ.)]
- Шаров Ф. П. Новая Немецкая грамматика. СПб.: Шляхетный Кадетский Корпус, 1792. 641 с. [Sharov F. P. *New German Grammar*. St. Petersburg: Shlyakhetnyi Cadet Corps, 1792, 641. (In Russ.)]
- Шеллер И. И. Сокращенное Латинское языкоучение или Грамматика новейшая. М.: Н. Новиков, 1787. 364 с. [Scheller I. I. *Abridged Latin linguistics, or The latest grammar*. Moscow: N. Novikov, 1787, 364. (In Russ.)]
- Шерстянникова Е. А. Роль исторического словаря русской лингвистической терминологии в преподавании дисциплин филологического цикла. *Мир науки, культуры, образования*. 2015. № 6. С. 63–65. [Sherstiannikova E. A. The role of the historical dictionary of Russian linguistic terminology in the teaching process of philological cycle disciplines. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2015, (6): 63–65. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vkidox>
- Юдин А. А. Азбуковник справщика Московского печатного двора Давида Замарая: время и слово. *Quaestio Rossica*. 2020. Т. 8. № 4. С. 1132–1142. [Yudin A. A. The Azbukovnik of David Zamaray, a proofreader of the Moscow print yard: Time and word. *Quaestio Rossica*, 2020, 8(4): 1132–1142. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15826/qr.2020.4.517>
- Ягич И. В. Исследования по русскому языку. Разсуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке. СПб.: Императорская АН, 1895. XXIII+289–1070 с. [Yagič I. V. *Research on the Russian language. Discussions of South Slavic and Russian antiquity on the Church Slavonic language*. St. Petersburg: Imperial AS, 1895, XXIII+289–1070. (In Russ.)]
- Hrammatiki ili pismennica jazyka sloven'skaho, Kremjaneč, 1638*. Eine gekürzte Fassung der kirchenslavischen Grammatik von Meletij Smotryckyj, hrsg. von Horbatsch O. München: Kubon & Sagner, 1977, 120.